

Мальчик с Петроградской

27 января – святой день для всех блокадников. В 1944 году в этот день была полностью и окончательно снята фашистская блокада Ленинграда. У каждого из выживших своя потрясающая история, и у Сергея Анатольевича Маслехина тоже.

ПРЯМО В КОЛЬЦО

Была в Ярославле такая железнодорожная строительная организация – СУ-302. Мало кто знает, но кроме многочисленных производственных объектов благодаря СУ-302 в городе появилась и Красноборская улица в ее нынешнем виде. Все дома на ней, от первого до последнего, строил тогда еще молодой мастер Маслехин.

Профессия у него семейная. Прорабом в довоенном Ленинграде был его отец, Анатолий Николаевич. Дед Николай, как он потом узнал, тоже питерский строитель. Штукатур, уточнила мне его двоюродная сестра Людмила Петровна Широкова. И добавила:

– И еще наш дед был подрядчиком. Что такое подрядчик, я, правда, не знаю. Но было у него семь комнат.

Ко времени, о котором наш рассказ, никаких маслехинских семи комнат, конечно, не существовало. Семья Анатолия Николаевича жила, по выражению той же Людмилы Петровны, «уже по-советски»: в деревянном двухэтажном доме на Петроградской стороне – два подъезда, на площадке три квартиры и общая на всех кухня.

Эти и многие другие подробности Сергей Анатольевич узнал взрослым, когда обрел и свою настоящую фамилию, и настоящую биографию. А когда началась война, ему исполнилось всего пять лет.

Летом 1941 года Сережа вместе с мамой и братом Леней гостил у родственников под Ярославлем. Папа и старший брат Боря оставались в Ленинграде. Как только началась война, мама засобиралась домой. Ее отговаривали, но она, забрав детей, все-таки отправилась в дорогу. Их поезд, не дойдя до Ленинграда, попал под бомбежку. Сережа с мамой и братом шли болотом, по гатям, пешком до самого Ленинграда. Прямо в кольцо, которое тут же замкнулось.

ОСТАЛСЯ ОДИН СЕРЕЖА

Как жили в блокаду? Отец появлялся дома редко, он работал дни и ночи «на сооружениях» – в глубинах памяти сохранилось именно это слово. Мама была водителем трамвая – блокада уже лютвала вовсю, а трамваи ходили еще долго. Сережа оставался на попечении Ленки: тот водил его в детский сад, а в свободное время забавлял как мог. Сережа играл с осколками снарядов.

– Хлеба мало. Пили чай неизвестно из чего. Деревья вокруг стояли обглоданные, а потом и они одно за другим стали исчезать. Топить было нечем, люди рубили мебель.

В комнате у Маслехиных остались постель и сервант. На серванте – коробка из-под конфет, пустая, с которой Сережа не спускал глаз.

Дом обезлюдел. Одни соседи в эвакуации, другие умерли. Может быть, можно было найти что-то полезное или даже съестное в оставленных квартирах? Сергей Анатольевич отвечает неожиданно резко:

– Мы не ходили по чужим квартирам. Какие-нибудь мародеры, возможно, и лазили, но у нас такого не было. Не приучены.

Отец умер первым. Пришел как-то со своих «сооружений», открыл дверь, шагнул через порог, упал и больше не поднялся.

– Неделю он, мертвый, лежал дома, чтобы можно было на него хлеб получать, – добавляет Людмила Петровна. – Через неделю его столкнули через окно вниз, в снег. Там ездили, подбирали.

Сергей Анатольевич эти жуткие подробности не запомнил:

– Нам не показывали.

Он имеет в виду себя и Ленку, которому тоже оставалось жить совсем недолго. Тот скончался вскоре после отца, как-то незаметно. А вот последние минуты мамы запечатлелись в сознании очень ярко. Это случилось в мае. Мама

к тому времени уже слегла.

– Я утром встал, у меня распашонка сзади застегивалась, я сам не доставал и, как всегда, подошел к маме. Она застегнула и сказала: «Попей водички и иди в садик». Пока я пил, распашонка снова расстегнулась. Я опять к маме, а она уже мертвая. Схватил чайник, давай ей в рот наливать... Дальше – в рёв.

Сколько ревел, он не знает, но его услышали. Люди, которые по домам ходили и собирали таких, как он, отвели его в садик, где уже формировался детский дом.

Через сколько-то дней их привезли к Ладоге. Детей толпилось на берегу очень много. На первый катер Сережа не попал. Как только тот отчалил, налетели немецкие самолеты и тут же этот катер потопили.

– Что творилось! Дети прыгают за борт, а самолеты их расстреливают прямо в воде. Крики, стрельба, вой моторов...

На второй катер погрузили Сережину группу. В суматохе у него украли паек, который выдавали в дорогу, – несколько штук печенья. Выручили матросики. Дали ложку, посадили с собой к котелку с варевом из рыбы.

На другом берегу уже ждал эшелон, он привез их в Ярославль.

ПЕШКОМ ЧЕРЕЗ ЛАДОГУ

Поезд отсчитывал километр за километром, а Сережа знать не знал, что, сложись все немного иначе, он мог бы встретиться в Ярославле со своим старшим братом Борисом.

Война застала Бориса и отца в Ленинграде. Боре было 16 лет, он учился в ремесленном училище. Когда город оказался отрезанным от Большой земли, вместе с несколькими другими такими же отчаянными ребятами пешком перешел по льду Ладожское озеро, сумел сесть в товарный поезд и через восемь дней добрался до Ярославля. Точнее сказать, на Приволье его вынесли на руках.

Весь обмороженный, лежа

Вместе с другими маленькими ленинградцами Сережа Маслехин оказался на своеобразной перевалочной базе где-то на Перекопе, на Зеленовской. Но то ли потому, что наши детские дома были к тому времени переполнены, то ли по другой какой-то причине город не смог их принять, и вместе с партией блокадников Сережу опять погрузили и повезли дальше – в Ульяновск.

среди других таких же, едва живых ленинградцев в семинарском корпусе пединститута на Которосли, он все-таки нашел силы написать родным. Тут его и разыскала тетка. А на следующий день Бориса пришла известить ее дочь, та самая Людмила Петровна, с которой я сейчас говорю. Ей было тогда тринадцать лет.

– Отец Бориса Анатолий и моя мама – родные брат и сестра. Анатолий – мой крестный.

Анатолий с женой и с мальчиками каждый год летом к нам приезжали, так что я всех их знала.

Губы Людмилы Петровны задрожали.

– Поднимаюсь в этом доме на Которосли на второй этаж, смотрю, все разгорожено и лежат они такие все истощенные, страшные – мужчины, женщины, дети все вместе – и их там видимо-невидимо. Я Бориса сразу узнала. «Люся, – говорит, – посмотри мои ноги». Я приподняла одеяло, взглянула, а ноги у него темно-серые, и вода из них течет. Вот тогда он про блокаду и про все, что с ними там случилось, и рассказал.

При мне Бориса положили на носилки, погрузили в машину и повезли в больницу в Загородный сад. Я с ним. Проводила, взяла у него шинель, шапку, ботинки – все черное, ремесленники тогда в форме ходили. Дня через три поехала к нему моя мама, а ей и говорят: он умер. Где похоронен? Ответили: их грудой везут на Леонтьевское кладбище, так и он, наверное, там.

КТО Я?

Сергей показал мне потрясающий документ – «Список детей 24-го детского дома, эвакуированного из Ленинграда 22.06.42». Рукописная копия с подлинника, предоставленного ему в архиве. В списке 98 фамилий.

– Я нашел одного. Хватков Юрка. Тогда же, 9 мая 2002 года, мы с ним сфотографировались.

Сергей Анатольевич (на снимке слева) не теряет надежды найти еще кого-нибудь из тех девятиста восьми. Но удачи ли?

Когда их, малышей, погрузили тогда, в 1942 году, в Ярославле на поезд и повезли в Ульяновск, имя, отчество и фамилия, год рождения были написаны у каждого чернильным карандашом на левой ладошке.

– Ехали в товарных вагонах, навалом, ходить никто не мог: дистрофики. До Ульяновска 1260

километров, доехали не все. Кроме того, у кого-то надпись на руке стерлась. Дети в основном пяти-шестилетние, были даже трех лет. Несколько еще в Ленинграде записали как неизвестных – что с нас возьмешь!

Сергей Анатольевич и сам просто чудом узнал, кто он такой.

Ярославская родня долгое время разыскивала его по всем детским домам, писали куда только можно – безрезультатно. А все потому, что разыскивали Маслехина, а он значился под фамилией Матьков. Нашлись люди, пытались его усыновить, а он сопротивлялся отчаянно, изо всех своих маленьких сил. Верил, что когда-нибудь узнает о себе правду.

Когда подросток, написал на удачу на свой ленинградский адрес: ул. Мира, 24, кв. 8. Удивительно, но дом сохранился, а в нем старушка-соседка, которая помнила их семью. Дальше было проще. Узнав собственное настоящее имя, отчество и фамилию, Сергей через архив установил адрес родственников, и долгожданная встреча в ярославских краях наконец состоялась.

Потом Сергей отслужил в армии, окончил в Ульяновске строительный техникум, но душа его теперь неудержимо тянулась сюда. Недалеко от той деревни, где жила родня, присмотрел себе невесту Зою, в следующий приезд женился и увез ее в Ульяновск. В 1965 году молодая семья перебралась в Ярославль и обосновалась тут окончательно.

Живут сейчас Маслехины в Брагине, у них дочь и два внука. Родные подарили Сергею Анатольевичу фотографию 1929 года, хранившуюся у них все эти годы. На ней самые дорогие ему люди: папа, Анатолий Николаевич Маслехин, мама, Александра Константиновна, братья Боря (справа) и Леня. Он, Сережа, родится только через семь лет. А через двенадцать лет начнется война.

Татьяна ЕГОРОВА.